

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Константин Симонов

История одной любви

Константин Михайлович Симонов

История одной любви

Серия «Библиотека

драматургии Агентства ФТМ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9745239

История одной любви:

ISBN 978-5-4467-2318-8

Аннотация

Очевидно, вслед за Чеховым и Бальзаком, Константин Симонов определил жанр своей первой пьесы как комедийный. Хотя в основе человеческой комедии «История одной любви» – классический любовный треугольник, но по накалу переживаемых героями событий (здесь и потеря парой ребенка, и уход мужа на войну) – настрой пьесы далек от лирического и представляет собой погружение в психологию супружеских отношений. Выдвигая ключевой проблемой взаимоотношений супругов ложную гордость одной из сторон, автор наглядно показывает, как глупо могут разрушиться крепкие, проверенные годами отношения двух любящих людей.

В отличие от последующих многонаселенных пьес Симонова, состав действующих лиц «Истории одной любви» довольно камерный, но в нем уже появляется архетип мудрого наперсника, прием, к помощи которого автор обратится

в своем творчестве неоднократно. И действительно, страшно подумать, как бы выпутились главные герои из царящей в их отношениях недосказанности, если бы не проницательный отставной военный Голубь. Поскольку все остальные герои коммуницируют между собой крайне затрудненно, то именно споры Голубя с новоявленным ухажером жены главного героя – успешным карьеристом Вагановым составляют идейную суть пьесы. По мнению директора НИИ Ваганова, самое главное в жизни – заставить других ценить себя, качество, которого не достает главному герою – строителю Севера и Дальнего Востока Маркову. «Разные вещи мы с тобой будем вспоминать. Я – дороги и моря, вы – должности, да чины», – парирует Голубь. С подкупющей прямотой вмешивается он в отношения любящих друг друга, но совершенно запутавшихся супругов и так и заявляет озадаченной насупленным молчанием Маркова его жене Кате: «Потому что любит тебя, дуру!» Под напором такого деятельного участия, соперник-материалист просто не может не быть позорно повержен, а семейные отношения и любовь – водвориться на свое законное место.

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Картина первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Константин Симонов
История одной любви
Комедия в трех действиях,
четырех картинах

Действующие лица

Алексей Степанович Марков, 35 лет.

Катя – его жена, 29 лет.

Андрей Сергеевич Ваганов, 35 лет.

Николай Семенович Голубь, 60 лет.

Мария Петровна – соседка Марковых, очень далеко за сорок.

Посыльный из магазина.

Капитан.

Корреспондент.

Врач.

Время действия – 1939 год.

Действие первое

Картина первая

Комната в московской коммунальной квартире. Летний день. Две двери, через одну из них видна вторая комната. Несколько полок с книгами. Шкаф. Письменный стол. Накрытая ковром тахта. Перед тахтой медвежья шкура. Два потертых кожаных кресла. Марков, в старой шерстяной рубашке, без галстука и в домашних туфлях, читает, сидя в одном из кресел. Катя стоит перед ним с плетеной кошелькой в руках.

Катя. Так вот и просидишь до конца отпуска?

Марков молчит.

Сышен звонок в передней. Катя выходит и возвращается вместе с посыльным из цветочного магазина. У посыльного в руках очень большая корзина цветов.

Посыльный. Куда поставить-то?

Катя (показывая на обеденный стол). Сюда, пожалуйста.

Посыльный ставит корзину на стол.

Спасибо. Сейчас я за вами закрою. (Выходит вместе с ним и через несколько секунд возвращается. Подойдя к столу, достает вложенный в цветы конверт и, открыв его, читает вынутую из него записку.)

Марков (глядя на Катю). Ты, кажется, меня о чем-то хотела спросить?

Катя (не спеша, складывая записку). Да. Я хотела тебя спросить – неужели ты так вот и просидишь до конца отпуска?

Марков. Не знаю, может быть...

Катя. Придет Андрей, я пойду купить что-нибудь к чаю.

Марков. Сходи.

Катя. Что ты на меня так посмотрел?

Марков. Ничего.

Катя. Да, придет Андрей. Что тут особенного?

Марков. Ничего особенного. Только бы он не присыпал больше этих корзин. От них уже и так не продохнуть.

Катя. Я рада, когда мне приносят цветы, я давно от этого отвыкла.

Марков. Ну что ж, радуйся, но только нельзя ли ставить их там, у тебя?

Катя. Они тебе мешают?

Марков. Да.

Катя. Хорошо. (*Выходит с корзиной в другую комнату.*)

Звонит телефон.

Марков (снимая трубку). Я слушаю. Алло! (*Молчание. Вешает трубку.*)

Входит Катя.

Катя. Кто звонил?

Марков. Очевидно, Андрей. У него появилась дурная

привычка вешать трубку, когда подхожу я.

Катя. Она появилась у него с тех пор, как у тебя появилась привычка грубо разговаривать с ним.

Марков. Говорю, как умею.

Катя. Ты плохо относишься к нему, гораздо хуже, чем он к тебе.

Марков. Ко мне?

Катя. Да, к тебе. (*После паузы.*) Почему ты молчишь?

Марков. Я думал, что хоть на это я имею право.

Катя. Нет! Теперь ты не имеешь права так молчать. Было время, когда тебе стоило сказать одно слово!..

Марков. Было? Значит, я его пропустил. Ведь теперь поздно сказать это слово?

Катя. Да, поздно.

Марков. Ну, вот я и молчу.

Катя. Ты раньше тоже часто молчал. Но я чувствовала, что ты обо мне думаешь, что ты меня любишь. А теперь... Мне все чаще кажется, что ты молчишь просто потому, что тебе нечего мне сказать.

Марков. Тебе видней.

Пауза.

Катя. С тех пор, как умер Сережа...

Марков (*резко перебивая ее.*) А вот об этом мы с тобой, по-моему, условились не говорить.

Катя. Хорошо. Но скажи тогда сам, почему у нас с тобой все так плохо? Почему?

Молчание.

Да, последнее время я говорила, что мне плохо с тобой, я старалась меньше бывать дома, наконец, Андрей... Но почему ты ни разу не сказал, что я тебе нужна, что ты меня любишь, что тебе будет плохо без меня? Если бы ты сказал это...

Марков. Зачем ты оправдываешься?

Катя. Когда ты так говоришь, мне хочется только одного – уйти и хлопнуть дверью! Ты думаешь – твое вечное спокойствие принесло мне много счастья? Когда я в первый раз сказала тебе, что нам стало плохо, а сама в глубине души ждала, что ты накричишь на меня, рассердишься, скажешь – все это глупости, – что ты ответил? Ничего. Пожал плечами и ушел на работу! Когда я стала говорить тебе, что любовь проходит, – ты ответил: «Тебе видней!» Когда я споряча крикнула, что нам надо разойтись, ты сказал: «Как хочешь!» Да, может быть, сейчас я так хочу, но тогда... Почему ты ни разу не остановил меня, если я что-то напутала в жизни? Почему ты ни разу не захотел помочь мне разобраться, решить? Что вы, как можно, пусть решает сама, одна! А я не хочу решать сама!

Марков. Придется. Я за тебя решать не буду.

Катя. Ну конечно, так легче!

Марков. Там уж легче или не легче, – а не буду.

Катя. Эх ты! «Буду», «не буду» – словно палку о колено ломаешь. Встань, поцелуй мне руку. Я ухожу.

Марков не двигается.

Я тебя очень прошу, встань, поцелуй мне руку!

Марков по-прежнему не двигается. **Катя**, подождав еще секунду, поворачивается и выходит, хлопнув дверью. **Марков** встает и долго ходит по комнате. Звонок телефона.

Марков (*снимает трубку*). Да, Марков. В два тридцать? С вещами? Нет? Хорошо. Есть. (*Положив трубку, продолжает ходить по комнате.*)

В коридоре звонок. Слышно, как там кто-то отворяет наружную дверь. В комнату *входит Голубь*, еще крепкий, даже очень крепкий для своих лет человек, одетый в полу военный костюм и высокие охотничьи сапоги с ремешками. В руке у него большой рюкзак, под мышкой потертое, видавшее виды кожаное пальто.

Голубь. Обед есть?

Марков. Нет.

Целуются.

Голубь. И коньяку нет?

Марков. Нет.

Голубь. Я вижу, за два года в этом доме ничего не изменилось. Скажи, пожалуйста, чему тебя с детства учил твой старый учитель?

Марков (*став навытяжку, с улыбкой*). Мой старый учитель учил меня с детства, что, когда он приходит, на столе должна стоять бутылка коньяку.

Голубь. И за...

Марков. ...куска!

Голубь. Я не вижу плодов своего воспитания. А впрочем, может, ты просто стал скуп? Тебе жаль бутылки коньяку для своего старого учителя? Может, когда я позвонил, ты бросился к этим полкам и спрятал сюда бутылку? (*Подходит к книжным полкам и, вынув несколько пыльных томов, достает из-за них бутылку коньяку. Долго смотрит на свет, удивленно нюхает.*) Коньяк!

Марков. Дай сюда, ничего не понимаю!

Голубь. Вот это уж стыдно. Ну, купил. Ну, поить меня жалко, ну, спрятал. Но зачем же кривить душой! (*С улыбкой.*) Э-эх, ты! Это я купил коньяк! Я, два года назад, уезжая зимовать и не надеясь на ваши заботы, заложил бутылку за сочинение господина Элизе Реклю «Человек и земля», которое, кстати сказать, все покупают и никто не читает.

Марков ставит на стол стаканы.

Ты прав, сынок. Это как раз та посуда. Это уже потом выдумали разные бокальчики, лафитнички, рюмочки. Что же до старика Ноя, я уверен, он пил из обычного мосторговского чайного стакана. Итак, выпьем за нее?

Марков. За кого?

Голубь. За нее! За единственную, бесценную, за Катерину Алексеевну! Надеюсь, она для тебя по-прежнему *она*?

Марков. Да. Она скоро придет. Выпьем!

Пьют.

Голубь (*развязав рюкзак, вынимает из него вышитую*

детскую оленью доху, унты, малицу). Ну-с, а где же Сергей Алексеевич?

Марков. Нет его.

Пауза.

Нет Сергея Алексеевича. Умер.

Голубь (*пораженно*). Как... Подожди, ничего я не понимаю.

Марков. А ты думаешь, я понимаю? В прошлом году, в это же время, пришел из детского сада, сказал, что болит голова. Смерили температуру, температура высокая. Пришел врач, сказал все, что полагается, и сделал все, что полагается. А температура все выше. Пришел второй врач – тоже сказал все, что знал, и сделал все, что мог. Потом пришел третий, сказал, что надо взять в больницу. А через неделю все трое вместе очень подробно объяснили мне и Кате, почему именно не смогли спасти нашего сына и какой у него был редкий, небывалый и так далее случай менингита. Кажется, все так оно и было. И они сделали все, что смогли, и случай был действительно редкий. Все так, но сын-то у нас был один – вот в чем дело. И должен был с этой осени идти в школу. Вот. Ну, что смотришь? Убери сейчас же все это! Катя увидит, опять будет плакать.

Голубь (*встав, мрачно засовывает вынутые вещи в рюкзак и тут же завязывает его*). Сейчас же объясни мне...

Марков. Что объяснить? Ну что тебе еще объяснить?

Голубь. Нет, так не бывает. Так не может быть!

Долгое молчание.

Ты помнишь, как я его тогда брал на руки, а она сказала:
«Дядя Коля, у вас медвежьи лапы, вы никогда не научитесь
держать в них детей». Накаркала.

Долгое молчание.

Марков. Как ты зимовал?

Голубь. Как всегда. Первый год и думать о вас забыл,
а к концу второго соскучился. Причалы построил, дома
под крыши подвел, зеленый лук на подоконниках в ящиках
вырастил. Все для новых зимовщиков подготовил, сел, по-
ложил ногу на ногу и заскучал.

Марков. Я тоже тут без тебя не веселился... Плохие у нас
дела, дядя Коля.

Голубь. Уж чего хуже...

Марков. И с Катей – тоже плохо...

Голубь. А с ней что случилось?

Марков. Пока ничего. Как говорится, маленькое, не сра-
зу заметное несчастье. Она разлюбила меня, ну а я, я тоже,
значит, разлюбил ее, что же мне оставалось делать?

Голубь. Когда же началось это маленькое, не сразу замет-
ное несчастье?

Марков. Если бы знать день, когда оно началось, так
можно бы, пожалуй...

Пауза.

Незаметно это начинается, дядя Коля. Почему я молча-
ливый, почему я невнимательный, почему я не говорю, что

она мне нужна, что я ее люблю? Она хочет, чтобы я каждый день напоминал ей об этом, а я не умею. Сказал раз на всю жизнь. И пусть помнит.

Голубь. Неумно.

Марков. Не знаю. Может быть. А тут — горе, да еще такое!

Раньше, бывало, когда беда — словно какой-то силой толкало друг к другу, а здесь, как назло, — забились по углам. Она пла-кала. Много. А я — нет. Ее обижало, что я не плачу. Я чуть с ума не спятил. А она не понимала. Совсем перестала меня понимать. Может, без чужой помощи в конце концов и по-няли бы друг друга, но тут как раз и помощь подоспела...

Пауза.

Ваганова Андрея помнишь, конечно?

Голубь. Того, что на год раньше тебя институт кончил и (*кинув на Маркова*) у одного бедного студента невесту пробовал отбить? Как не помнить. Но он ведь, по-моему, оставилши ни при чем, сразу же, как уважающий себя человечек, исчез с горизонта. Что, снова объявился?

Марков. Объявился.

Голубь. Давно?

Марков. Из Москвы, как выяснилось, никогда и не уезжал. (*Обведя рукой комнату.*) А здесь появился с год.

Голубь. Зачем пустил?

Марков. А как было не пустить? Пришел овечкой: «Кто старое помянет, тому глаз вон. Узнал о вашем горе. Друзья познаются в беде...» И так далее. Язык у него и раньше был

хорошо подведен... А за десять лет и многое другое приобрел. Ума и таланта не отнимешь: директор научно-исследовательского института новых строительных материалов – и звучит внушительно, и на самом деле промышленности уже кое-что полезное дал. В тридцать четыре года – доктор технических наук! Вдобавок – в гордом одиночестве.

Голубь. Не женат?

Марков. Нет. Не знаю уж, как там у него жизнь складывалась, не расспрашивал. Но факт остается фактом – не женился. И, конечно, сразу дал понять, что по причине десятилетней безответной любви. А для женщины это много значит! Глупа, умна, любит сама или не любит – все равно приятно. В общем, она ему поверила.

Голубь. А ты?

Марков. Я? Нет. Просто имеет человек дар замечать, где что плохо лежит. Да и какое это имеет значение, поверил или не поверил я?

Голубь. Как какое? Раз не поверил, надо было сказать!

Марков. Кому?

Голубь. Ей!

Марков. Да ведь вроде как-то некрасиво... Гордость не позволила... Да... В общем, стал ходить к нам. Есть же такие люди. У них какой-тонюх на чужую беду. Я ее не умел утешать, сам горевал. А он... Он это умеет: и нежность, и внимание, и «ты мне нужна», и «я без тебя не могу». Худо я про него говорю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.